

уть поэзии Георгия Иванова, — то, что делает ее выдающимся явлением литературы и бесспорным достоинством человечества, — мужество человека перед лицом непреодолимых обстоятельств.

В русской литературе, пожалуй, нет другого поэта, в творчестве которого трагедийность человеческого бытия была бы доведена до такой предельной концентрации. Этому способствуют лапидарность стихов, лаконичность формулировок и высокая степень категориальности мышления поэта как отличительные черты индивидуального авторского стиля.

Художественный мир Г. Иванова поделен на две заведомо неравные части. Одна из них — человеческое тепло, «от Бога данное»; другая — «синее, холодное, / бесконечное, бесплодное / мировое торжество».

Человеческая жизнь с ее надеждами, мечтами и мучениями конечна. Она проходит под знаком обреченности: «все неясно, все жестоко, все навек обречено». Настанет срок — и жизнь, «как темная роза, в мировое осыпется зло».

Предназначенная на заклятие «мировому злу», жизнь человека предстает в стихах Г. Иванова как цепь неизбежных утрат. Все проваливается в пропасть «мирового зла»:

Поэт Георгий Иванов

Все розы, которые в мире цвели,
И все соловьи, и все журавли,
И в черном гробу восковая рука,
И все паруса, и все облака,

И все корабли, и все имена,
И эта, забытая Богом, страна!

Так черные ангелы медленно падали в мрак,
Так черною тенью «Титаник» клонился ко дну,
Так сердце твое оборвется когда-нибудь — так
Сквозь розы и ночь, и снега, и весну...

Утрата России, дорогих друзей («все, кто блистал в тринадцатом году, — лишь призраки на петербургском льду»). Неизбежная утрата любви («другие влюбленные будут стоять у окна») и любимой («и твое драгоценное тело, увы, / полевыми цветами и глиною станет»). «Как быстро осень настаёт / уже пятнадцатого года!», «Это молодость наша уходит, это наша любовь умирает, / улыбаясь прекрасному миру и не веря уже ничему».

Жизнь — это ряд трагических предчувствий, ожидание неотвратимого конца. «Скоро, о скоро падешь бездыханным / под звуки рогов в дубовой чаще...», «Сегодня меня убили, / завтра тебя убьют», «Жду, когда исчезнет расстояние, / жду, когда исчезнут все слова, / и душа провалится в сиянье / катастрофы или торжества».

И наступает срок, когда человеку доступны лишь последние, стремительно тающие крохи тепла. «Но этот вечер голубой — еще мое владенье». «Полужизнь, полуусталость — это все, что мне осталось». Все меньше земных радостей: «сады, цветущие весной, / Мистраль, полфунта судака»; «Припасли, дружок, немного водочки, / вот теперь ее и разоъем». И как венец всего — утрата последних крупиц жизни, страшная хроника физического ухода — «Посмертный дневник».

Один из шедевров лирики Г. Иванова ставит едва ли не знак равенства между жизнью и смертью.

Мертвый проснется в могиле,
Черная давит доска.

Что это? Что это? Или
И воскресенье — тоска?

И воскресенье — унынье?

Скучное дело — домой.

...Тянет Вольню, польню,

Тянет сумой и тюрьмой.

И над соломой избенки,

Сквозь косогоры и лес,

Жалобно плачет ребенок,

Тот, что сегодня воскрес.

Воскресение, возрождение невозможно. «И ничему не возродиться / ни под серпом, ни под орлом».

Обреченному, мучительному, но все же согретому живым теплом человеческому существованию в поэзии Г. Иванова противопоставлено безжизненное, холодное и бессмертное «мировое зло», или «мировое торжество», которое мы можем понимать как торжествующее зло.

...И вижу огромное, страшное, нежное,
Насквозь ледяное, навек безнадежное.
И вижу беспамятыство или мучение,
Где все навсегда потеряло значение.

«Мировое торжество» — это холодный космос, некая вечно существующая суб-станция, враждебная человеку и недоступная его пониманию.

Приближается звездная вечность,
Рассыпается пылью гранит.
Бесконечность, одна бесконечность
В леденеющем мире звенит...

...Гляди в холодное ничто,
В сияньи постигая то,
Что выше пониманья.

Инфернальные пропасти ледяного безвоздушного, бездушного эфира, свинцовый мрак, пустые очи бессмертных звезд; пространство, где «так темно и так мертво, / что мертвее быть не может / и чернее не бывать», рано или поздно поглотят все живое, как поглотили Россию.

Россия счастье. Россия свет.
А может быть, России вовсе нет.

И над Невой закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал,

И нет ни Петербурга, ни Кремля —
Одни снега, снега, поля, поля...

Одинокий, оставшийся без Родины, смертельно уставший русский человек, лирический герой Георгия Иванова бросает вызов «холодному ничто».

От синих звезд, которым дела нет
До глаз, на них глядящих с упованьем,
От вечных звезд — ложится синий свет
Над сумрачным земным существованьем.

И сердце беспокоится. И в нем —
О, никому на свете не заметный —
Вдруг чудным загорается огнем
Навстречу звездному лучу — ответный.

И надо всем мне в мире дорогим
Он холодно скользит к границе мира,
Чтобы скреститься там с лучом другим,
Как золотая тонкая рапира.

Сражающийся, как Леонид при Фермопилах, герой Г. Иванова знает, что он не сможет победить неодолимой силы. Знает, что и подвиг его будет забыт, обесмыслен холодной вечностью.

Так почему же с большим напряженьем
Я жизнь люблю — чужую и свою, —
Взволнован ею, как солдат сраженьем,
Которое окончится вничью?

Трагический исход этой схватки предрешен. Но гибель в бою с «мировым торжеством» не означает поражения человека.

Все-таки, душа, не будь неблагодарной,
Все-таки не плачь...
Над темным миром зла

Высоко сиял венец звезды Полярной,
И жестокой, чистой, грозной, лучезарной
Смерть твоя была.

И все. «Свободен путь под Фермопилами / на все четыре стороны».

Не станет ни Европы, ни Америки,
Ни царскосельских парков, ни Москвы,
Припадок атомической истерики
Все распылит в сияньи синевы.

Потом над миром ласково потянется
Прозрачный, всепрощающий дымок...
И Тот, кто мог помочь и не помог,
В предвечном одиночестве останется.

Это едва ли не единственный в поэзии Георгия Иванова упрек Богу. Ведь именно Бог по определению должен выступить союзником человека в борьбе с «мировым торжеством».

Сражающийся в одиночестве герой Г. Иванова ни разу не обратился к Богу с просьбой о помощи. Может быть, он и не рассчитывал на нее.

Как в Грецию Байрон, о, без сожаленья,
Сквозь звезды, и розы, и тьму,
На голос бессмысленно-сладкого пенья...
— И ты не поможешь ему.

Сквозь звезды, которые снятся влюбленным,
И небо, где нет ничего,
В холодную полночь — платком надушенным.
— И ты не удержишь его.

На голос бессмысленно-сладкого пенья,
Как Байрон за бледным огнем,
Сквозь полночь и розы, о, без сожаленья...
— И ты позабудешь о нем.